II 2/108

КЪ ВОПРОСУ
О
ПОДЪЕМѢ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ
КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

В. В. — Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ.
С.-Петербургъ 1892.

БИБЛІОТЕКА
МИНИСТЕРСТВА
АКАДЕМІИ
326
32

Характерной чертой нашего земледѣльческаго промысла въ эту минуту служитъ усиленное изысканіе способовъ, при помощи которыхъ можно было бы замѣтно увеличить сумму продуктовъ, добываемыхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Такое стремленіе, свойственное, безспорно, всякому хозяйству во всѣ времена, обостряется особенно сильно въ такіе періоды, когда производительность названнаго промысла въ своемъ развитіи не поспѣваетъ за размноженіемъ населенія и расширеніемъ его потребностей. Эти періоды отзываются особенно тягостно на хозяйствѣ странъ, экспортирующихъ хлѣбъ, т. е. тѣхъ, въ бюджетѣ которыхъ доходъ отъ земледѣлія оттѣсняетъ на дальній планъ доходы отъ всѣхъ остальныхъ занятій. — Такой неблагопріятный періодъ переживаетъ теперь наша страна. Оффиціальныя статистическія данныя, опубликованныя ужъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, убѣждаютъ въ томъ, что размѣры запашекъ и скотоводства въ среднемъ на одного жителя у насъ не перестаютъ уменьшаться, несмотря на абсолютное ихъ увеличеніе, что въ то-же время средній сборъ хлѣба (на 1 жителя) не увеличивается, а цѣны на продукты земледѣлія падаютъ съ большой быстротой [1]). Не трудно понять, что послѣдніе два года

1) См. главу VI нашей книги о внѣнадѣльныхъ арендахъ, гдѣ сгруппированы относящіяся сюда цифры.

должны были еще болѣе ухудшить это положеніе. Сокращеніе запашекъ и серіозное уменьшеніе скотоводства — таковы слѣдствія переживаемаго хозяйственнаго момента, которыя должны носить длительный, хроническій характеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное возвышеніе (за послѣднюю четверть вѣка) арендныхъ и налоговыхъ платежей обостряетъ потребность населенія въ наличныхъ деньгахъ. Результатомъ является искусственный, вынужденный ростъ русскаго хлѣбнаго экспорта, не оправдываемый ни соотвѣтственнымъ увеличеніемъ производительности хозяйства, ни наличной нуждой самихъ продавцовъ хлѣба въ продуктахъ для собственнаго питанія. Большой интересъ въ этомъ случаѣ имѣетъ разсчетъ, только что опубликованный однимъ изъ видныхъ изслѣдователей нашихъ народохозяйственныхъ отношеній К. А. Вернеромъ [1]). Если принять за 100 средній ежегодный валовой сборъ и заграничный отпускъ хлѣба въ періодъ 1870—74 гг., то получимъ такія цифры для послѣдующаго времени:

Годы:	Валовой сборъ хлѣба:	Заграничный отпускъ хлѣба:
$\frac{1870—74}{5}$	100	100
$\frac{1875—79}{5}$	98,9	147,4
$\frac{1880,\ 1883—85}{4}$	105,5	157,6
$\frac{1886—90}{5}$	118,6	220,7

Т. е. въ 20 лѣтъ, въ которые производство зерна (абсолютно) возросло только на 18,6 %, нашъ экспортъ увеличился на 120,7 %. Не удивительно поэтому, что въ одномъ оффиціальномъ изданіи, появившемся еще въ началѣ 80-хъ годовъ, можно найти доказательства недостаточно-

1) К. А. Вернеръ — Неурожаи и наше народное хозяйство. — Вѣстн. Европ. I, 1893, стр. 126.

сти питанія населенія приблизительно процентовъ на 14 [1]), что г. Неручевъ, производя учетъ хлѣбной производительности одной изъ богатѣйшихъ въ почвенномъ отношеніи губерніи — Екатеринославской — нашелъ, что за десятилѣтіе 1881—90 гг. ростъ нашего хлѣбнаго вывоза совершается въ ущербъ внутреннему потребленію [2]).

Наконецъ, просто сравнивая наше хозяйство по продуктивности съ иностраннымъ, нельзя не видѣть между ними глубокой разницы, заслуживающей серіознаго вниманія. Вотъ табличка, заимствованная тѣмъ же авторомъ [3]) у г. Портера — спеціальнаго агента по производству десятой переписи Соединенныхъ Штатовъ:

	Урожай съ десят. въ четвер.	Четвер. на взросл. сельскохозяйств. рабоч. м. п.
Англія	16,6	87,7
Соед. Штат.	10,6	81,7
Германія	10,6	39,8
Франція	9,7	33,2
Австрія	6,9	29,2
Испанія	9,2	26,0
Россія	4,6	24,1
Италія	6,9	22,7

„Россія“, прибавляетъ авторъ, „несмотря на свой прекрасный черноземъ, занимаетъ послѣднее мѣсто по урожайности своихъ полей и предпослѣднее по количеству зерновыхъ продуктовъ на одного сельско-хозяйственнаго рабочаго.“

Всѣ упомянутыя явленія свидѣтельствуютъ о томъ, что увеличеніе суммы производимыхъ русскимъ сельскимъ

---

1) Историко-статист. обзоръ промышленности Россіи, т. I, груп. III, стр. 58.

2) Вернеръ, ib. 127.

3) Ib.

хозяйствомъ продуктовъ представляетъ собою насущную жизненную потребность нашей страны въ переживаемое нами время. Удовлетвореніе этой потребности диктуется и первостепенными интересами земледѣльческой массы населенія, и заботами о сохраненіи нашего положенія на международномъ рынкѣ.

Извѣстны два пути, которыми можно пользоваться въ данномъ случаѣ. Первый заключается въ увеличеніи обрабатываемой площади земли, при неизмѣняемыхъ пріемахъ сельско-хозяйственной культуры. Второй — въ подъемѣ интенсивности хозяйства при неизмѣняемыхъ размѣрахъ площади культивируемыхъ земель. При разныхъ естественныхъ и народо-хозяйственныхъ условіяхъ можно слѣдовать то одному, то другому; можно пользоваться ими и одновременно. Практика нашего земледѣлія даетъ больше замѣтныхъ фактовъ въ первомъ направленіи. Выдающееся развитіе у насъ внѣ-надѣльныхъ арендъ, усиленное стремленіе крестьянъ къ пріобрѣтенію земель въ собственность, наконецъ, постоянно возрастающія переселенія ихъ къ далекимъ окраинамъ наглядно свидѣтельствуютъ объ энергіи, съ которой проявляется въ русской земледѣльческой массѣ настойчивое стремленіе расширить обрабатываемую ею площадь земель. Мы здѣсь не будемъ останавливаться на крупной народо-хозяйственной важности этого стремленія и на необходимости для него широкой поддержки государства. — Рядомъ съ этимъ, однако, въ крестьянскомъ хозяйствѣ идетъ менѣе замѣтная, но настойчивая работа и въ другомъ направленіи. Много уже имѣется на лицо данныхъ, позволяющихъ думать, что мы вступаемъ въ весьма важный періодъ нашей хозяйственной исторіи — въ періодъ перехода къ высшимъ системамъ земледѣльческой культуры. Повидимому, приходитъ начало конца тѣмъ пріемамъ хозяйства, которые господствовали въ Россіи вѣка и продолжаютъ еще господствовать до сихъ поръ. Такіе періоды пережиты уже другими европейскими

странами. И тамъ переложная система и трехполье, установившееся еще во времена Карла Великаго, уступали мало-по-малу мѣсто системамъ болѣе интенсивнымъ въ теченіи всей второй половины XVIII и первой половины текущаго столѣтія. Опытъ тѣхъ странъ учитъ насъ, что такое переходное время, ломая установившіеся пріемы земледѣлія, измѣняя вѣковыя привычки и традиціи, создавая новыя культуры, внося крупныя перемѣны въ условія сбыта продуктовъ и, наконецъ, будучи, по необходимости, продолжительнымъ, представляетъ обыкновенно рядъ ненормальныхъ, болѣзненныхъ явленій во всемъ хозяйственномъ организмѣ страны. Сознавая необходимость ломки прежняго сельско-хозяйственнаго режима, населеніе стоитъ передъ болѣе или менѣе неизвѣстнымъ будущимъ. Много неудачъ должно постигать тѣхъ, кто начинаетъ экспериментировать, много попытокъ въ разныхъ направленіяхъ должно быть произведено раньше, чѣмъ установится въ странѣ новый режимъ, новая система, прежде чѣмъ создадутся новыя традиціи и пріемы. Вмѣшательство въ эту область науки, спеціалистовъ и тѣмъ болѣе — вмѣшательство государства и органовъ самоуправленія можетъ служить при этомъ, очевидно, обоюдуострымъ орудіемъ. При тщательномъ изученіи нарождающихся въ разныхъ мѣстностяхъ многообразныхъ сельско-хозяйственныхъ потребностей это вмѣшательство можетъ оказать существенную помощь населенію и облегчить ему трудности переходнаго періода. При недостаточномъ же фактическомъ знакомствѣ съ дѣйствительностью явленій, при наличности предвзятыхъ идей и шаблонныхъ рецептовъ оно можетъ лишь затормозить естественный хозяйственный процессъ, создать для него нежелательную обстановку и дать ему ложное направленіе.

Поэтому появленіе каждой новой работы, уясняющей какую бы то ни было сторону этого явленія нашего народнаго хозяйства, имѣетъ въ настоящую минуту особый теоретическій и практическій интересъ. Интересъ этотъ

возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе знакомитъ такая работа съ фактической стороной дѣла, систематизируетъ свой матеріалъ и такимъ образомъ позволяетъ провѣрять относящіяся сюда теоретическія построенія при свѣтѣ непосредственныхъ наблюденій надъ самой жизнью. Такой именно работой и является новая книжка извѣстнаго писателя по экономикѣ нашего отечества г. В. В., заглавіе которой выписано выше. Съ присущей ему отзывчивостью на крупнѣйшіе вопросы современности, авторъ и въ этомъ случаѣ сумѣлъ поставить тему своего изслѣдованія такъ, что она отвѣчаетъ именно на вопросы, являющіеся наиболѣе важными. Такъ какъ вопросы эти представляются вмѣстѣ съ тѣмъ и спорными въ теоретической литературѣ, то тѣмъ больше интереса возбуждаетъ самое изслѣдованіе. Обильный запасъ фактовъ, которыми располагаетъ г. В. В., собираніе которыхъ представляетъ огромныя трудности и требуетъ выдающагося трудолюбія, дѣлаетъ большинство его выводовъ весьма доказательными и придаетъ высокую цѣнность его работѣ.

Книга раздѣляется на двѣ части. Каждая изъ нихъ могла бы составить особый самостоятельный этюдъ. Первая (гл. I) трактуетъ о роли крупнаго хозяйства въ прогрессѣ мелкаго; вторая (гл. II, III и IV) — о прогрессѣ сельско-хозяйственной культуры при общинномъ землевладѣніи. Повторяемъ, обѣ части имѣютъ не только большой практическій интересъ (въ смыслѣ дальнѣйшаго направленія аграрной политики страны), но и теоретическую важность (въ смыслѣ изученія условій, способствующихъ переходу хозяйства къ высшими его системамъ). Обѣ части заключаютъ въ себѣ выводы, которые слѣдуетъ признать оригинальными и заслуживающими серіознаго вниманія.

Въ теоретической литературѣ, преимущественно германской, считается установленнымъ важное культурное значеніе, которое имѣетъ крупное хозяйство для мелкаго. Не-

обходимость перваго для развитія второго считается не подлежащей сомнѣнію. Только крупный владѣлецъ можетъ дѣлать рискованныя затраты капиталовъ, экспериментировать, пробовать дѣйствіе тѣхъ или иныхъ новыхъ орудій и пріемовъ обработки, разнообразить культуры, словомъ изыскивать новые пути, вырабатывать новые типы хозяйства сообразно мѣстнымъ условіямъ. Только крупный владѣлецъ обладаетъ потребными для всего этого знаніями, средствами и кредитомъ. — Таково господствующее въ литературѣ мнѣніе, которое подвергается нашимъ авторомъ пересмотру на основаніи фактическаго изученія русскаго хозяйства.

Это изученіе отчасти подтверждаетъ сказанное. Данныя земской статистики, отчетовъ департамента земледѣлія и земствъ, періодическія агрономическія изданія указываютъ, что на практикѣ наблюдается немало случаевъ примѣненія крестьянами нововведеній, съ которыми они познакомились на примѣрѣ сосѣда землевладѣльца. Это — удобреніе полей, введеніе машинъ и улучшенныхъ орудій и перемѣна выродившихся сѣмянъ на свѣжія и притомъ высшихъ сортовъ (17). Такіе факты были извѣстны и прежде. Нѣсколько новыхъ данныхъ, затерянныхъ доселѣ въ земско-статистическихъ сборникахъ, придаютъ интересъ этимъ страницамъ. Такъ имѣются, напр., указанія на то, что въ иныхъ уѣздахъ б. владѣльческіе крестьяне en masse или въ небольшомъ числѣ общинъ лучше ухаживаютъ за своей землей, чѣмъ государственные (чаще — въ губерніяхъ съ развитымъ владѣльческимъ хозяйствомъ — Тамбовской, Рязанской, Воронежской) (21).

Однако, приведенное положеніе далеко не носитъ столь абсолютнаго характера, какъ это принято думать. На этой отрицательной сторонѣ дѣла авторъ сосредоточиваетъ свое особое вниманіе, выдвигаетъ немалое число наблюденій, искусно группируетъ ихъ и тѣмъ значительно видоизмѣ-

няетъ теоретическое понятіе о соціально-экономической роли крупнаго землевладѣнія.

Изученіе дѣйствительности крестьянскаго земледѣлія указываетъ прежде всего на то, что прогрессъ мелкаго и крупнаго хозяйства идетъ и можетъ итти вовсе не тожественными путями, что пути эти представляютъ не мало различій, обусловливаемыхъ большимъ неравенствомъ ихъ сельско-хозяйственныхъ капиталовъ, неодинаковостью въ степени истощенности почвы и пр. факторами, не случайными, а вытекающими изъ самихъ различій типовъ хозяйствъ. Если это справедливо, то прогрессъ культуры у крупныхъ землевладѣльцевъ далеко не всегда можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для мелкихъ. Что *можно* достигать тѣмъ, того *нельзя* достигать этимъ; часто пріемы хозяйства однихъ непримѣнимы у другихъ; нерѣдко однѣ и тѣ-же цѣли должны достигаться разными средствами въ зависимости отъ размѣровъ культуры. А если такъ, то нетрудно догадаться, что культурная миссія крупнаго хозяйства замѣтно сокращается. Его народо-хозяйственное значеніе значительно умаляется и низводится на уровень частно-хозяйственнаго.

Но если это обстоятельство, дѣйствительно, имѣетъ такую важность, то необходимо предположить одно изъ двухъ: или интенсивность русскаго крестьянскаго хозяйства остается почти безъ движенія, пріемы обработки мало подвигаются впередъ, или мелкая культура прогрессируетъ не только подражательно, но изыскиваетъ самостоятельные пути, независимо отъ примѣровъ, доставляемыхъ культурой крупной, быть можетъ, даже опережая послѣднюю.

Доказать послѣднее положеніе, очевидно, весьма важно для уясненія перваго. Если статистическое изученіе хозяйственныхъ условій страны подтверждаетъ сказанное, то этимъ оно вноситъ существенную поправку къ общепринятому рѣшенію упомянутаго выше одного изъ важныхъ вопросовъ сельско-хозяйственной экономіи.

Этому интереснѣйшему предмету авторъ и посвящаетъ свою огромную первую главу (93 стр.).

Въ области улучшенія земледѣльческихъ орудій, напр., пути крупнаго и мелкаго хозяйства неодинаковы. „Производство въ большихъ размѣрахъ должно имѣть орудія, лучше приспособленныя для отдѣльныхъ операцій хозяйства, такъ какъ управляетъ этими орудіями чужой — наемный рабочій и для тщательности выполненія операціи слѣдуетъ по возможности облегчать ему работу, что и достигается точнымъ приспособленіемъ орудія къ исполняемой манипуляціи . . . А если такъ, то прогрессъ орудія крупнаго хозяйства заключается въ распаденіи одного изъ нихъ на нѣсколько, въ замѣнѣ орудія, исполнявшаго нѣсколько функцій, многими, пригодными каждое для одной операціи.“ Такое дифференцированіе орудія, однако, вовсе невыгодно хозяйству мелкому. „Здѣсь трудится самъ хозяинъ со всей заботливостью, свойственной работѣ на себя. Поэтому затрудненія, вытекающія изъ неидеальной приспособленности орудія, не мѣшаютъ успѣшному ходу дѣла . . . Это не значитъ, что улучшеніе орудія, существующаго у мужика — излишне, а доказываетъ только, что усовершенствованіе въ крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ должно идти разными путями.“ Въ подтвержденіе этой вполнѣ справедливой мысли авторъ ссылается на борьбу сохи съ плугомъ. Несмотря на всѣ свои несовершенства, она имѣетъ не менѣе (?) защитниковъ, чѣмъ плугъ. Это потому, что соха — орудіе, наиболѣе пригодное для мелкаго хозяйства, какъ позволяющее исполнять нѣсколько операцій, плугъ же пригоденъ только для одной и потому можетъ вытѣснить соху не иначе, какъ ведя за собой еще 2—3 разныхъ инструмента“ (34—35). Съ послѣднимъ рѣшительнымъ приговоромъ автора едва-ли можно согласиться. Во многихъ мѣстахъ соха вытѣсняется окончательно. Къ такимъ принадлежатъ, напр., Волоколамскій, Клинскій и Рузскій уѣзды Московской губ., какъ о томъ говоритъ далѣе и

самъ авторъ (стр. 49). Но орудіе это вытѣсняется, конечно, не дорого стоющимъ, тяжелымъ рансомовскимъ или инымъ плугомъ, годнымъ для крупнаго хозяйства, а легкими и дешевыми плужками рижскими и Липгартовскими и кустарными имитаціями этихъ типовъ, носящихъ болѣе универсальный характеръ. Авторъ могъ бы воспользоваться для своей цѣли еще и примѣрами „буккера“ и лапчатой бороны изъ практики южнаго степного хозяйства. Во всякомъ случаѣ вѣрно, что владѣльцы мелкій и крупный предъявляютъ къ изобрѣтателямъ и производителямъ земледѣльческихъ орудій далеко не одинаковыя требованія.

Далѣе, земля у крестьянина гораздо болѣе истощена, чѣмъ у помѣщика. „Поэтому многія растенія, культивируемыя послѣднимъ, не родятся у перваго. Мы знаемъ, напр., что есть цѣлыя области, гдѣ крупный хозяинъ воздѣлываетъ красные хлѣба, а мелкій — сѣрые“ (36). Это положеніе вполнѣ вѣрно и весьма важно. Но авторъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе серіезнаго упрека въ томъ, что не постарался придать ему надлежащей убѣдительности указаніями на географію этихъ областей. Еще далѣе — то же относится и къ улучшенію скотоводства. Улучшенныя породы скота, заимствуемыя крупными владѣльцами съ запада, не мирятся съ обычными нашими кормовыми условіями. Поэтому „даже тамъ, гдѣ содержаніе крестьянскаго скота поставлено сравнительно недурно (губ. Ярославская, Владимірская), мелкіе хозяева, требующіе улучшить свои стада внесеніемъ въ нихъ иностранной крови, заимствованной изъ стада сосѣда-землевладѣльца, скоро бросаютъ попытки, находя новыя породы слишкомъ требовательными на пищу“ (36).

Наконецъ, сюда относятся тѣ заимствованія крестьянскаго хозяйства отъ владѣльческаго, примѣненіе которыхъ въ первомъ принимаетъ совершенно своеобразный, самостоятельный характеръ, мало сходный со своимъ прототипомъ въ послѣднемъ. Въ этомъ мѣстѣ авторъ съ полнымъ пра-

вомъ останавливается подробно на извѣстныхъ уже въ литературѣ сообщеніяхъ московскаго губернскаго земскаго агронома объ оригинальныхъ пріемахъ травосѣянія на надѣльныхъ земляхъ Можайскаго уѣзда и объ исторіи введенія плуговъ и боронъ въ Московской губ. (46—53). Эти сообщенія можно было-бы дополнить аналогичными показаніями покойнаго В. Л. Гурвича о травосѣяніи въ Каширскомъ уѣздѣ.

Обращаясь къ самостоятельному движенію впередъ крестьянскаго хозяйства, встрѣчаемъ у г. В. В. весьма интересныя указанія прежде всего о переложной полосѣ. „Южныя и восточныя наши степи," говоритъ онъ (42), „еще не переползли ступени переложнаго хозяйства, хотя и находятся уже на пути къ паровымъ сѣвооборотамъ. Наблюдая-же крупное и мелкое хозяйства отдѣльно, мы замѣтимъ, что, дойдя до извѣстнаго момента, ихъ слѣды значительно расходятся: крупное хозяйство продолжаетъ держаться залежной системы, мелкое выступаетъ изъ нея на путь безпорядочной культуры, изъ которой мало-по-малу вырабатываются правильные паровые сѣвообороты." Слѣдовательно, послѣднее приходитъ иногда раньше къ тѣмъ формамъ полеводства, какихъ въ большинствѣ случаевъ не избѣжать и первому. Такъ, въ Елизаветградскомъ уѣздѣ въ 47 % общинъ практикуется безпорядочная культура, въ 46 % — производительныя силы почвы возстанавливаются удобреніемъ пасущагося на ней скота (съ ежегодной смѣной толоки и пашни у $^2/_3$ изъ нихъ) и 7 % общинъ уже перешли къ 3 и 4-хъ польнымъ паровымъ системамъ. У владѣльцевъ-же въ 31 дачѣ изъ 43 переложная система сохраняетъ еще исключительное господство, а трехполье встрѣчается лишь въ единичныхъ хозяйствахъ, расположенныхъ въ остальныхъ дачахъ. Въ Славяносербскомъ уѣздѣ владѣльческое хозяйство представляется совершенно въ такомъ же видѣ, у крестьянъ же — 36 % общинъ практикуютъ безпорядочную культуру, а 64 % — чередованіе толоки и

пашни т. е. системы полеводства, предшествующія паровымъ. Въ уѣздахъ Осторогожскомъ, Богодуховскомъ, Бугульминскомъ паровыя системы пріобрѣли уже почти исключительное примѣненіе на земляхъ крестьянскихъ и встрѣчаются гораздо рѣже на земляхъ владѣльческихъ (42—44).

Не менѣе краснорѣчивы сообщенія о коллективномъ крестьянскомъ орошеніи полей въ Новоузенскомъ уѣздѣ (выстроено до 1000 плотинъ) въ то время, какъ во всей Россіи найдется всего съ десятокъ крупныхъ имѣній, въ которыхъ практикуется орошеніе (45), о распространеніи на крестьянскихъ поляхъ посѣвовъ картофеля, чечевицы и аналогичныхъ растеній. Размноженіе населенія и семейные раздѣлы, сокращая размѣры огородовъ, повліяли, независимо отъ пріемовъ этихъ культуръ въ крупныхъ хозяйствахъ, на перемѣщеніе таковыхъ изъ приусадебной земли на поля, гдѣ они и получили большее или меньшее распространеніе въ зависимости отъ условій сбыта и другихъ (46).

Далѣе, авторъ посвящаетъ немало страницъ такимъ фактамъ, которые громко свидѣтельствуютъ о вполнѣ самостоятельномъ „творчествѣ“ крестьянъ въ прогрессивномъ движеніи хозяйства. Эта часть работы г. В. В. преисполнена самаго живого интереса. Мы, конечно, не имѣемъ возможности въ предѣлахъ нашей замѣтки хоть сколько нибудь полно исчерпать ея богатаго содержанія и отсылаемъ читателя къ подлиннику. Сдѣлаемъ лишь два — три указанія. Широко распространенная не только въ мелкихъ, но и въ крупныхъ хозяйствахъ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерній культура подсолнечника обязана своимъ введеніемъ крестьянину Бокареву. — Извѣстная рязанская молотилка, имѣющая теперь ежегодный сбытъ тысячами экземпляровъ въ одномъ рязанскомъ округѣ, изобрѣтена, строится и распространяется крестьянами. Первымъ ея конструкторомъ былъ крестьянинъ с. Смыковки Тимоѳей Хохловъ. Въ 1884 году одинъ крестьянинъ Ардатовскаго уѣзда

скомбинировалъ сложную молотилку собственной системы, получившую распространеніе въ земледѣльческихъ хозяйствахъ Симбирской и Тамбовской губ. — Крестьяне Соликамскаго и Уржумскаго уѣздовъ производятъ опыты разведенія росички, кр. Николаевскаго уѣзда — опыты разведенія неизвѣстнаго имъ растенія, сѣмена котораго выписаны ими съ Кавказа и которое употребляется ими вмѣсто чая. Въ Вятской губерніи крестьянинъ „мечется въ поискахъ за земледѣльческимъ орудіемъ," въ Гжатскомъ уѣздѣ нѣтъ волости, въ которой не пробовали бы замѣнить свои сѣмена иными; въ Юхновскомъ и Сычевскомъ уѣздахъ къ тому-же производятся еще и пробные посѣвы новыхъ сѣмянъ на огородахъ. Та же погоня за новыми сортами хлѣбныхъ сѣмянъ имѣетъ мѣсто въ губ. Архангельской, Московской, въ уѣздахъ Чердынскомъ, Красноуфимскомъ. Въ Бугурусланскомъ уѣздѣ пробуютъ улучшить породу овецъ и лошадей и измѣняютъ фигуру полосъ съ цѣлью пахать не только вдоль, но и поперекъ. Въ Псковской губ. систематически примѣняется минеральное удобреніе крестьянами, производящими лѣтъ 10—15 опыты съ суперфосфатами. Тоже — въ 3-хъ деревняхъ Вятской губ. — Крестьяне публикуютъ свои сельскохозяйственные опыты въ Сельскомъ Вѣстникѣ (изъ Вятской, Тверской губб.); крестьяне обращаются въ редакцію той же газеты за разъясненіемъ своихъ хозяйственныхъ затрудненій; крестьяне состоятъ корреспондентами текущихъ сельско-хоз. обзоровъ (московскаго — 20 % корреспонденцій, полтавскаго — 60 %). Мы больше не можемъ даже называть тѣ факты, которые такъ или иначе свидѣтельствуютъ о появленіи самостоятельнаго стремленія крестьянъ къ подъему своего хозяйства на высшую ступень (ими наполнены стр. 58—84 книги).

Въ концѣ концовъ г. В. В. приходитъ къ весьма важному выводу, идущему въ разрѣзъ съ господствующими воззрѣніями на роль крупнаго землевладѣнія въ процессѣ

интенсификаціи хозяйства страны. „Въ противность тому, чего слѣдовало-бы ожидать, если бы крупное хозяйство служило главнѣйшимъ факторомъ улучшенія мелкаго, въ центральной черноземной полосѣ, въ области искони помѣщичьей, крестьянское хозяйство отличается наиболѣе рутиннымъ характеромъ. Къ сѣверу въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ замѣчается двойное измѣненіе сравнительно съ предыдущей: площадь помѣщичьей запашки сильно сокращается, а распространеніе улучшенныхъ орудій и различныхъ культурныхъ пріемовъ земледѣлія въ крестьянской средѣ идетъ сравнительно быстро впередъ; еще къ сѣверу — крупное хозяйство вовсе исчезаетъ, а мелкое еще больше стремится къ прогрессу; такой же характеръ оно обнаруживаетъ и на югѣ Россіи, гдѣ владѣльческое хозяйство занимаетъ болѣе, чѣмъ второстепенное мѣсто, но гдѣ за то развито мелкое нѣмецкое землевладѣніе.“ „Наиболѣе отсталыми (не смотря на высшую густоту населенія, требующую скорѣйшаго примѣненія интенсивныхъ системъ) являются мѣстности съ преобладаніемъ владѣльческаго хозяйства.“ „Прогрессъ мелкаго хозяйства въ общей его массѣ не прямо, а обратно пропорціоналенъ развитію крупнаго“ (54). — Изобильные факты, собранные г-номъ В. В. во второй половинѣ его работы, дѣйствительно свидѣтельствуютъ о томъ, что области Россіи съ относительно бо́льшимъ развитіемъ крестьянскаго землевладѣнія имѣютъ въ данномъ случаѣ какъ бы первенство передъ остальными. Объ этомъ можно было судить и раньше по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя имѣлись въ литературѣ въ разбросанномъ видѣ. Въ группировкѣ г. В. В. онѣ пріобрѣтаютъ еще большее значеніе. Но тѣмъ настоятельнѣе нужно было автору, имѣя въ рукахъ такой матеріалъ, воспользоваться имъ именно въ этомъ мѣстѣ, расположить его надлежащимъ образомъ и попытаться набросать хоть въ общихъ чертахъ географическую схему подъема крестьянскаго хозяйства. Тогда этотъ крупный по своему

научному значенію и, по нашему мнѣнію, глубоко вѣрный выводъ получилъ бы большую доказательную силу. Но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ приведенъ, онъ представляется, къ глубокому сожалѣнію, мало убѣдительнымъ для большинства читателей и въ этомъ заключается большой пробѣлъ цѣнной работы г. В. В.

Тѣмъ не менѣе, все то, что говорено было выше о путяхъ, которыми движется прогрессъ крестьянскаго хозяйства, даетъ право автору утверждать, что соціально-экономическая роль въ этомъ дѣлѣ крупнаго землевладѣнія довольна скромна. Передъ наблюдателемъ народной жизни вырисовываются прежде всего довольно явственныя признаки самостоятельнаго стремленія крестьянства къ измѣненію рутинныхъ пріемовъ хозяйства и попытки самостоятельнаго же разрѣшенія возникающихъ при этомъ затрудненій. До извѣстной степени здѣсь приходитъ на помощь земледѣльческой массѣ и опытъ помѣщичьихъ хозяйствъ, однако вліяніе его не можетъ простираться далеко въ силу существенныхъ отличій въ условіяхъ производства между мелкой и крупной культурой. Авторъ упоминаетъ при этомъ и о томъ общеизвѣстномъ обстоятельствѣ, что пріемы и орудія послѣдней у насъ еще весьма недавно находились въ рабскомъ подчиненіи иностраннымъ образцамъ и еще въ эту минуту обнаруживаютъ (въ своихъ попыткахъ движенія впередъ) весьма мало самостоятельности. Иноземныя орудія, иноземныя породы сѣмянъ, скота, иноземные авторитеты и образцы — таковъ чаще всего антуражъ прогрессивнаго помѣщичьяго хозяйства. Не трудно понять, что этотъ его характеръ еще болѣе уменьшаетъ возможность заимствованій отъ него для хозяйства крестьянскаго, такъ какъ пріемы и орудія полеводства западной крупной культуры ужь ни въ какомъ случаѣ не сходны съ нашей мелкой. Такимъ образомъ наше землевладѣльческое хозяйство оказывается еще менѣе способнымъ давать крестьянскому образцы для подражанія даже въ тѣхъ случаяхъ,

когда оно само не придерживается рутины. Г. В. В. справедливо приходитъ поэтому къ мысли о необходимости широкой правительственной поддержки упомянутымъ выше стремленіямъ русскаго мелкаго хозяйства къ подъему своей производительности. „Главное, что́ слѣдуетъ сдѣлать для обезпеченія правильнаго хода возвышенія сельско-хозяйственной культуры страны, говоритъ онъ, это — установить систематическую связь науки съ мелкими производителями, демократизировать первую, дать крестьянину то, что находилось до сихъ поръ въ исключительномъ пользованіи землевладѣльца“ (89).

Переходимъ ко второй части работы г. В. В. — къ роли общиннаго землевладѣнія въ подъемѣ крестьянскаго хозяйства.

Какъ указано выше, эта часть представляетъ обширную монографію изъ трехъ главъ. Разросшіеся размѣры замѣтки заставляютъ насъ не касаться первой изъ нихъ. Здѣсь авторъ подвергаетъ пересмотру аргументы противъ общины, приводимые съ агрикультурной точки зрѣнія. Послѣ работъ проф. Посникова, Трирогова, Орлова, послѣ появленія обширной земско-статистической, монографической и журнальной литературы предмета послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, послѣ прежнихъ работъ самого г. В. В. — ему, конечно, трудно быть оригинальнымъ въ этой области. Вопросъ, кажется, можно считать исчерпаннымъ. Думать, что общинные порядки служатъ непреоборимымъ препятствіемъ движенію крестьянскаго хозяйства къ высшимъ системамъ, можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ литературной разработкой предмета. Бываютъ, конечно, серіезные практическіе мотивы, побуждающіе иногда повторять старые доводы и положенія. Такое повтореніе и сдѣлано г. В. В. во второй главѣ своей книжки и сдѣлано обстоятельно, такъ какъ и здѣсь выдвинуты имъ нѣкоторые малоизвѣстные факты.

По своей оригинальности бо́льшаго интереса заслуживаетъ третья глава, въ которой нашъ убѣжденный защит-

никъ общины покидаетъ оборонительное положеніе и переходитъ въ наступленіе. Самое названіе этой главы — „активное участіе общины въ процессѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній“ — обѣщаетъ довольно новое освѣщеніе интересующаго насъ вопроса.

Изложеніе открывается указаніями на то, что культура земли у подворныхъ собственниковъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, бываетъ хуже, чѣмъ у сосѣднихъ общинниковъ. Такія извѣстія имѣются у Соловьева объ однодворческомъ хозяйствѣ въ 50-хъ годахъ, у Орлова и у г. П. Вернера — о хозяйствѣ четвертныхъ владѣльцевъ въ Курской губ. (160—161). Если эти свѣдѣнія неточны и недостаточны, тѣмъ не менѣе необходимо прійти къ убѣжденію, что эта разница на самомъ дѣлѣ и должна существовать. Не останавливаясь на причинахъ возникновенія такъ называемаго разнополья, или нестрополья, этой наиболѣе безпорядочной и истощающей землю формы полеводства, вспомнимъ, что она встрѣчается на земляхъ какъ общинныхъ, такъ и подворныхъ владѣльцевъ. Но у первыхъ оно можетъ существовать лишь на участкахъ, расположенныхъ внѣ площади, культура которой регулируется общиной (заполье). Если эти участки не обладаютъ какими нибудь специфическими неудобствами (отдаленность отъ усадьбы, трудность сообщеній и пр.), то они при ближайшемъ передѣлѣ входятъ въ правильный сѣвооборотъ. Такъ было при послѣднихъ коренныхъ передѣлахъ напр. въ уѣздахъ Тамбовскомъ, Ранненбургскомъ, Острогожскомъ и др. Можно поэтому думать, что повсемѣстное наступленіе передѣловъ послѣ всеобщей переписи значительно сократитъ, пожалуй и совсѣмъ на время уничтожитъ, нестрополье на общинныхъ земляхъ. — Иначе дѣло стоитъ у четвертныхъ владѣльцевъ. Право ихъ частной собственности на землю лишаетъ ихъ того принудительнаго момента въ дѣлѣ измѣненія культуры, который заключается въ передѣлахъ. Послѣдніе у нихъ могутъ быть замѣнены

лишь взаимнымъ согласіемъ. Но разнополье у нихъ очень распространено въ эту минуту и если оно такъ медленно замѣняется правильнымъ сѣвооборотомъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о трудности достигнуть такого соглашенія. Въ Тимскомъ уѣздѣ у общинниковъ площадь нестрополья = 9 %, а у душево-четвертныхъ = 26 %, у четвертныхъ = 24 %; въ Корочанскомъ — у общинниковъ = 7 %, у четвертныхъ = 17 %; въ Щигровскомъ оно встрѣчается почти исключительно на земляхъ четвертныхъ крестьянъ.

Огромная черезполосица земли подворныхъ владѣльцевъ въ Малороссіи вынудила правительство приступить къ обязательному межеванію, которое началось въ 1858 г. и не кончилось до сихъ поръ. При этомъ крупные участки (выше 50 дес.) по желанію владѣльцевъ выдѣлялись въ одинъ отрубъ и отдавались въ полное ихъ распоряженіе. Остальная пахотная площадь раздѣлялась на три поля и каждый собственникъ получалъ свою часть во всѣхъ смѣнахъ. Что же вышло? Улучшились ли условія культуры владѣльцевъ? Полтавская статистика даетъ доказательства того, что условія эти вовсе не улучшились. Участки весьма быстро успѣли уже раздробиться путемъ продажъ и наслѣдованія, а возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, ростъ потребностей и недостатокъ земли побуждали чрезмѣрно расширять запашки. Слѣдствіемъ этого явилась эксплоатація однихъ и тѣхъ же участковъ безъ перерыва изъ году въ годъ. Хищническое истощеніе земель сокращаетъ плодородіе почвы и даетъ иногда чуть не нулевые результаты.“ Только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ возможно дать землѣ отдыхъ подъ толокой. Обязательная толока въ Хорольскомъ уѣздѣ существуетъ лишь въ 35 % селеній, а въ Кременчугскомъ — лишь въ 8—9 %. Дѣло обстоитъ лучше только тамъ (въ другихъ уѣздахъ Полтавской губ.), гдѣ общества ввели на своихъ и арендуемыхъ земляхъ обязательный сѣвооборотъ. — Такимъ образомъ при наличныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ масса

земледѣльческаго населенія Россіи „полная свобода личнаго распораженія участкомъ въ Малороссіи, какъ и въ Великороссіи имѣла слѣдствіемъ пониженіе, а не возвышеніе культуры“ (162—172).

Покончивъ съ этимъ отрицательнымъ аргументомъ, г. В. В. идетъ дальше и переходитъ къ положительному. Если при наличныхъ обстоятельствахъ право безконтрольнаго личнаго распоряженія участкомъ ведетъ къ столь печальнымъ для культуры земли результатамъ, то слѣд. право общины „постановлять извѣстныя мѣры, обязательныя для несогласнаго меньшинства, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи составляетъ преимущество“ этой формы землевладѣнія. Авторъ дѣлаетъ уступку въ томъ, что, стѣсняя личную инициативу, община можетъ задержать начало улучшенія, но въ дѣлѣ распространенія послѣдняго она можетъ оказать существенныя услуги. Едвали г-ну В. В. требовалось дѣлать даже и эту уступку. Община ни въ какомъ случаѣ не можетъ задерживать даже начала улучшенія скота, орудій, сѣмянъ отдѣльнаго общинника. Равнымъ образомъ каждому домохозяину доступно введеніе травосѣянія на своемъ участкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ напр. сообщеніе Сельскаго Вѣстника осенью 1890 г. изъ Ярославской губ. [1]). Приведенный тамъ сѣвооборотъ заслуживалъ бы получить общую извѣстность. — Въ брошюрѣ г. Бажаева („Полевое травосѣяніе“ М. 1891) встрѣчаются указанія на то, что травосѣяніе въ Московской губ. начиналось нерѣдко отдѣльными домохозяевами, а не цѣлыми общинами (напр. д. Хованъ, с. Ѳеодоровское и пр. — стр. 29).

Факты, приводимые авторомъ въ доказательство активнаго участія общины въ дѣлѣ распространенія агрикультурныхъ улучшеній, представляютъ большой интересъ. Если

1) Цитую это сообщеніе на память.

въ убѣжденіе большинства общинниковъ, по иниціативѣ своего сочлена или постороннаго лица, проникаетъ убѣжденіе въ необходимости того или другого измѣненія угодій, сѣвооборота, выбора культуры растеній, то такое измѣненіе является обязательнымъ для всѣхъ членовъ общины, т. е. распространяется сразу на большую земельную площадь. „Стѣсненіе личной иниціативы обязательными постановленіями вызываетъ въ общинѣ пропаганду новыхъ мѣропріятій, по энергіи далеко превышающую способы распространенія новыхъ знаній среди подворныхъ владѣльцевъ“ (173—176). „При полной свободѣ сѣвооборота травосѣяніе и многопольное хозяйство явилось бы на крестьянской землѣ, можетъ быть, раньше, чѣмъ мы это наблюдаемъ въ настоящее время. Но его распространеніе совершалось бы медленно, и даже когда большинство даннаго поселенія приняло новый сѣвооборотъ, отсталое меньшинство извѣстное время держалось бы трехполья“ (203). „Власть міра надъ своими членами способствуетъ прогрессу сельскаго хозяйства въ этихъ случаяхъ, въ противоположность другимъ, гдѣ она обнаруживаетъ задерживающее вліяніе“ (ib.). — То міръ стѣсняетъ безпорядочную культуру и устанавливаетъ правильный сѣвооборотъ, то вводитъ перемѣнную толоку, то пріурочиваетъ передѣлы и жеребьевки къ моментамъ перемѣны эксплоатируемыхъ участковъ (180—186), то — способствуетъ болѣе или менѣе широкому развитію травосѣянія (187—203), то производитъ осушки болотъ и орошенія полей и способствуетъ лѣсоразведенію (203—217), то расчищаетъ неудобныя земли и приводитъ ихъ въ состояніе, годное для культуры (217). Эти страницы работы г. В. В. имѣютъ высокое значеніе не только для насъ — русскихъ. Они заключаетъ въ себѣ глубокій общій теоретическій интересъ, проливая яркій свѣтъ на вопросъ о значеніи коллективнаго труда массъ въ подъемѣ производительности народнаго хозяйства вообще.

На этомъ мы остановимся. Едва ли нужно повторять,

что новая работа г. В. В. появилась весьма своевременно и что ея достоинства съ точки зрѣнія и хозяйственной теоріи и хозяйственной политики страны немалы.

Не лишена она и недостатковъ. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ можно назвать недостаточную мотивировку нѣкоторыхъ положеній, среди которыхъ попадаются и весьма важныя. На нѣсколько такихъ случаевъ уже указано выше. Далѣе, изъ приведенныхъ на стр. 39—40 фактовъ о распространеніи удобренія въ крестьянскомъ хозяйствѣ можно вывести лишь то, что это явленіе подвигается параллельно какъ у мелкихъ, такъ и у крупныхъ владѣльцевъ. Доказательства самостоятельности крестьянъ въ этой области представляются недостаточно убѣдительными. То же относится и къ посѣвамъ картофеля (46). Сюда же принадлежитъ и утвержденіе (стр. 221, 239) что улучшенныя земледѣльческія орудія пріобрѣли особенно сильное распространеніе именно въ послѣдніе годы. Казалось бы, что начало этого періода слѣдовало нѣсколько отодвинуть — примѣрно къ половинѣ 70-хъ годовъ. Этотъ перечень слабо мотивированныхъ положеній можно было бы дополнить указаніями и еще на нѣсколько мѣстъ книги. Нельзя не упомянуть также о нѣкоторыхъ промахахъ чисто редакціоннаго свойства. Такъ на стр. 184 выходитъ, будто Елизаветградскій уѣздъ принадлежитъ къ Екатеринославской губ., а Александрійскій уѣздъ (Херсонской губ.) названъ Александровскимъ (Екатеринославской?); такъ, московскій губернскій земскій агрономъ В. Г. Бажаевъ вездѣ (8 разъ) названъ Баженовымъ.

Резюмируя свою богатую содержаніемъ работу, г. В. В. констатируетъ, что, въ теченіе послѣднихъ 15 — 20 лѣтъ среди русскихъ крестьянъ проявилось стремленіе къ поднятію производительности земледѣльческаго труда.“ При этомъ личныя условія отдѣльныхъ домохозяевъ терпятъ существенныя ограниченія въ недостаточности матеріальныхъ средствъ и въ косности массъ.

Соединенныя усилія многихъ хозяйствъ, увлекая за собой другихъ и улучшая хозяйственную обстановку нововведеній, служатъ наиболѣе надежнымъ средствымъ для осуществленія послѣднихъ. Составленіе свободныхъ союзовъ для совмѣстнаго достиженія индивидуальныхъ цѣлей представляется затруднительнымъ даже при извѣстной, довольно высокой ступени культурнаго развитія. Поэтому „слѣдуетъ считать весьма выгоднымъ условіемъ для подъема нашего земледѣлія тотъ фактъ, что среди большей половины населенія Россіи сохранилась организація, облегчающая достиженіе культурно-хозяйственныхъ цѣлей совмѣстными силами мелкихъ владѣльцевъ и при настоящемъ состояніи духовнаго развитія народа." Организація эта — община. Слѣдовательно, „не въ упраздненіи общиннаго землевладѣнія, а въ ослабленіи препятствій духовнаго и матеріальнаго характера, стоящихъ на пути устраненія уже на половину сознанныхъ крестьяниномъ недостатковъ своего быта, заключается настоящая задача здравой соціальной политики" (158—261).

Н. Карышевъ.